

УДК 821.161.1

«ПОЭМА ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА»: ОТ УТОПИИ К АПОКАЛИПТИКЕ

Бехметьева Л.Ю.

научный руководитель д-р филол. наук, профессор Говорухина Ю.А.

Сибирский федеральный университет

История имеет смысл потому, что она кончается.

(Н. Бердяев)

Современная поэзия, во всяком случае, та её неомарксистская ветвь, которая зародилась в русле гражданственной лирики XIX столетия, а в XXI веке оказалась трансформированной в особую форму поэтического синтеза театрального перформанса и социальной акции солидарности или протеста, по-своему осмысливает и репрезентирует социально-культурную действительность эпохи «нулевых», усваивая и перерабатывая в поэтических текстах как новые формы социальности прозападного типа, так и традиционные модели утопического сознания. Интерес к антиутопическому и апокалиптическому дискурсу в литературе «нулевых» и, как следствие, необходимость анализа ряда художественных репрезентаций нового типа в новейшей поэзии обуславливает актуальность настоящего исследования.

В данной работе последовательно рассмотрим, как преломляется западная мифология товарного фетишизма в дискурсе (анти)утопии. Современные варианты утопического дискурса неслучайно выбраны в качестве аналитического инструмента данной работы. Ряд исследователей, в частности, В. Чаликова, трактуя утопию как «контробраз реальности», одновременно отводит ей в обществе функцию «социальной диагностики» [4, с.80]. Метафора зеркала, «отражающего пороки действительности» по отношению к утопическому тексту появляется и в работе Н. Ковтун [1, с. 4]. При анализе текста поэмы нас будут прежде всего интересовать формы (анти)утопического сознания, а также варианты реализации глобальной метафоры «мир как супермаркет», существующие в парадигме мифологии общества тотального потребления. Эта, относительно новая для человека «постсоветской формации» западная мифология индивидуального потребления, в последние годы активно замещает традиционные для России формы коллективного существования и производства. Можно говорить о том, что для нашей страны, традиционно с запозданием приобщающейся к культурным формам, зарождающимся в русле европейской цивилизации, теперь уже характерны и новые формы социальной реальности. Современная поэзия фиксирует их, усваивая и перерабатывая в поэтических текстах как (анти)утопическую традицию, так и новые формы социальности прозападного типа.

Так, творчество Лаборатории Поэтического Акционизма -рабочего объединения поэтов, художников и философов, ставящих целью «разотчуждение повседневности через насыщение городского пространства поэзией» встраивается в дискурсивную традицию антиутопической литературы[2]. В рамках работы ЛПА в «нулевые» были разработаны и реализованы ряд уличных акций прямого действия, трансформаций городской среды (под которыми понимаются пространственные действия и композиции), интервенций в различные закрытые помещения (галерея, супермаркет) и перформансов. Одна из таких акций, а именно, интервенция в супермаркет, где и был прочитан текст «Поэмы товарного фетишизма», которая представляет особенный интерес в рамках настоящего исследования. Сама попытка проникновения поэтами в пространство, на разрушение мифологической символики которого направлен поэтический текст в совокупности со специфической формой его презентации, являет собой один из примеров индивидуального бунта, а вовсе не кажущегося парадокса повседневности. Отметим, что бунтарский дух произведения –

это один из маркеров утопического сознания, присущего художнику: «утопизм и революционаризм — явления одного психологического ряда», считает В. Чаликова [4, с. 89].

Поэма построена по принципу античной драмы, где герои последовательно исполняют свои партии, а также функционирует характерный хор «всех покупателей». Стихи в поэме группируются содержательно, формируясь попарно вокруг одной темы и оказываясь своеобразной симуляцией диалога между тем или иным типом потребителя и конституирующим поэму на уровне идеологии образом Абсолюта. Этот персонаж в произведении выполняет функции пророка, носителя «утопического пафоса», являясь универсальным проговаривателем истины в произведении. Но космогония Абсолюта – это централизация, подчинение персонажей идеальной схеме потребления. А значит, в произведении мы имеем дело с инвертированным типом идеального пространства, конструируемого по законам классической антиутопии. На сюжетном уровне этот герой-медиатор, явленный в образе рекламного агента, дискутирует с потребителями, представленными несколькими типами Циников, образами Наивной покупательницы и Романтика. Как правило, стихи противопоставлены на уровне описания идеального порядка, аналога космической гармонии, проговариваемого Абсолютом, и недолжного, нарушающего этот порядок поведения, демонстрируемого некоторыми персонажами-покупателями.

Таким образом, некоторые (анти)утопические топики проявлены уже на уровне расстановки персонажей и жанровой игры с традиционной античной формой, в которой – отсылка к «золотому веку» человеческой истории, намёк на универсальную гармонию прошлого.

Поэма открывается эпиграфом из К. Маркса: «Предметы потребления могут существовать долго, если они спроектированы со знанием, в котором живёт идея красоты». В эпиграфе проговорён основной пафос всего стихотворения – из мира, в котором на первый план выходит гонка уже не уровней реального производства, а наслоений символического потребления, ушла идея красоты творчества и сотворения, как созидательного процесса. Процесс творения растворился в стихии уже не производства, но механического, технического воспроизводства. Этот бесконечный цикл вовлекает потребителя в бесконечную гонку за мифическими отличиями, которая приобретает характер непрерывного цикла. Целостность, неразрывность художественного пространства говорит о его мифологическом характере, что, в свою очередь, является ещё одним общим местом (анти)утопического дискурса.

Обратим особое внимание на временное измерение в поэме. К категории времени Абсолют в той или иной форме обращается едва ли не в каждом своём монологе: «Пришло время сменить предмет разговора», «пришли новые времена», «не время ждать, время действовать», «время приобретать средства передвижения». Время словно бы оживает, становясь подлинным участником творящейся в поэме истории. Если для традиционной утопии характерен принцип «исторической инверсии», когда «идеал соотносится с прошлым или с будущим, но индифферентен настоящему» [1, с. 23], то, по мнению А. Чанцева, иная ситуация складывается в литературе «нулевых»: «сохраняя форму дистопического предупреждения и обращённость к будущему, в действительности эти произведения имеют дело с настоящим» [5, с. 271].

Но подлинную связь со временем, с актуальным его измерением ощущает лишь Абсолют, остальные персонажи полностью или частично потеряны во времени.

Утрата чувства времени — ещё одна из характерных черт литературной антиутопии «нулевых», считает А. Чанцев, утверждающий, что вслед за утратой фундаментальных гуманистических установок из художественного мира «90-х» и «нулевых» «уходит историческое время» [5, с. 290]. Человек дезориентирован в

пространстве и времени, вещи, а не духовные ценности становятся измерением его жизни, так рождается подсказка рекламного агента Абсолюта: «не время ждать, время действовать», призванная ускорить процесс приобретения очередной вещи. Вещи, которая послужит очередной вехой на пути утешения, где приобретения функционально принимают на себя нагрузку, которую уже не способны выполнять человеческие отношения между отчуждёнными индивидуальностями. Для России - пространства, стоящего на обломках коллективистского общества советской формации, в ситуации исчезновения, размывания авторитетов религиозных, политических и социальных инстанций, представляется особенно актуальной концепция вещи, как средства утешения.

Смещение и смешение временных пластов (настоящего и будущего) и, как следствие, «антиисторизм изображения» - ещё одно общее место (анти)утопического дискурса, проявленное в поэме:

*Только в этом мире могут существовать
сети центров.*

*Сети центров гарантийного обслуживания абонентов,
находящихся вне истории.*

В основе антиисторизма поэмы, как антиутопии, лежит трансцендентальность утопического сознания, на которую ссылался ещё К. Мангейм.

Интерес представляет и пассаж интеллигента о том, что «история остановилась». Он отсылает к концепции исторического времени Фрэнсиса Фукуямы, которую исследователи утопии, в частности, Е. Шацкий, классифицируют как классическую эскапистскую ухронию. В тексте глашатаем пророчества на основе этой утопической концепции является персонаж «Циник-интеллигент», таким образом, он маркируется как самостоятельный носитель данного типа утопического сознания.

*за кого вы меня принимаете а
кастрировали уже весь народ и меня туда
в погоню за фетишами бесконечного гедонизма?
в летаргический сон беспробудного неолиберализма?
но я не немая рыбёха в ваших вонючих сетях
и не тупое быдло слепо бегущее в бездну*

Возмущение интеллигента последовательно выстраивается в парадигме дискурса «психологизированной утопии», или «эзупсихии», для которой, по мнению В. Чаликовой, характерен страх потери личности, который даже способен вытеснять заботу об изобилии и покое, а «жажда самоутверждения оборачивается отношением к равенству как к злу. Синонимами равенства становятся взаимозаменяемость, унификация, обезличивание» [4, с. 88]. В отрывке прямо заявлена оппозиция «Я» - «Другие», они же «быдло», а значит, в поисках самоидентичности и самореализации герой отталкивается от негативного образа Другого. Такой тип утопического дискурса Е. Шацкий характеризует как «утопию человеческой самореализации» [6, с. 185]. Однако, в соответствии с логикой поэтического хронотопа (остановки времени) демократическая ухрония Ф. Фукуямы в поэме принимает характер «эскапистской утопии вневременного порядка».

Кульминацию поэмы венчает партия Романтика и хора всех потребителей, который трижды скандирует: «Потребляй много – сдохни тихо».

В финале «романтик плавно оседает на пол и умирает. За ним умирают все», Абсолют «громко хохочет инфернальным басом». Рисуемый в финале поэмы-антиутопии подлинно апокалиптический пейзаж в контексте литературы «нулевых» вовсе не уникален. Но, если в прозаических антиутопиях этого периода осмысливается потеря Россией культурной идентичности с её последующим ослаблением и гибелью,

то в поэтических антиутопиях, как мы видим, именно личность подвергается испытанию на прочность: сначала соблазнами общества потребления, а затем и смертью. Этот предостерегающий финал поэмы-антиутопии, в текст которой инкорпорированы частные утопические дискурсы и построенной по принципу античной трагедии, говорит нам о том, что общество потребителей обречено, выстоят в нём лишь инстанции, осуществляющие контроль за формами существования и обращения вещей в системе. А для остальных рано или поздно наступит момент консьюмеристского коллапса.

Таким образом, поэма-антиутопия Лаборатории Поэтического Акционизма представляет собой органичное единство дифференцированных типов утопического дискурса. Так, в текст поэмы-антиутопии оказываются встроены «психологизированная утопия», или «эвпсихия»; она же «утопия человеческой самореализации», а также концепция времени Ф. Фукуямы, или «эскапистская утопия вневременного порядка».

Неслучайно (анти)утопические мотивы актуализируются в современной поэзии именно в «неопределённые нулевые». Согласно А. Чанцеву, «утопическая и в целом дистопическая литература появляются тогда, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация законсервировалась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а индивидуума не покидает ощущение отчуждения от участия в истории» [5, с. 273]. Отсюда – и подлинно апокалиптический пейзаж, тщательно выписанный в финале поэмы и, надо отметить, весьма распространённый в контексте антиутопической литературы «нулевых». Но, в отличие прозаических вариаций антиутопий этого периода, в которых осмысляются гибельные пути России на фоне утраты собственной культурной идентичности, в поэтических антиутопиях, как показывает анализ поэмы, именно личность подвергается испытанию на прочность: сначала соблазнами общества потребления, а затем и самой смертью.

По мнению В. Мартьянова и Л. Фишмана, современная Россия всё ещё находит поводы «для сдержанного оптимизма», именно поэтому «современная российская «антиутопия» описывает бесконечное приближение к катастрофе, которая, как ей хотелось бы надеяться, ничего не изменит» [6, с. 134].

Таким образом, современная антиутопия демонстрирует тотальное неприятие размеренного и спокойного образа жизни в парадигме общества всеобщего процветания и довольства, органично встраиваясь в намеченную прозой апокалиптическую линию «нулевых».

Список литературы:

1. Ковтун Н. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Издательство сибирского отделения РАН, 2009. 494 с.
2. Лаборатория Поэтического Акционизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://poetryactionism.wordpress.com>.
3. Мартьянов В., Фишман Л. Образы будущего: между антиутопией и апокалиптикой // Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. С. 124–134.
4. Чаликова В. Утопия и свобода. М.: Весть-ВИМО, 1994. 184 с.
5. Чанцев А. Фабрика антиутопий. Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. 2007. №86. С. 269-301.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск., общ.ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.